

Гора Неведения.

Горные пики громоздились один за другим, окутанные дымкой облаков и туманов.

На ледяных белых ступенях черноволосая девушка подняла взгляд к уходящей в бесконечность Костяной лестнице и горным вершинам, затем посмотрела вниз — на такое же бескрайнее море облаков — и почувствовала, как слабеют руки и ноги.

Врата Великой Пустоты на горе Неведения были единственной сектой в мире совершенствования, принимавшей учеников из простых смертных. Насколько сильно мечтала об этом месте Се Шоумэй прежде, настолько горько сожалела теперь.

Разумеется, дело было не в страхе высоты, а в том, что...

Девушка застыла, делая очередной шаг наверх, и краем глаза взглянула на тех, кто поднимался рядом с ней по Небесной лестнице.

Точнее, на чудовищ.

Белая длинная шерсть, кроваво-красные глаза и заячья губа — это вовсе не были люди. Все вокруг неё незаметно превратились в таких вот существ с кроличьими головами и человеческими телами.

Каждого, кто в пути увидел, как спутники постепенно обращаются в монстров, и вскрикнул от ужаса, эта свора кроликов без промедления закалывала мечами или сбрасывала с Небесной лестницы.

А в их кроваво-пустых взглядах она видела, как эти кроличьеголовые твари разевали пасти, и на звериных мордах проступали до жути человеческие выражения.

— Как странно, откуда на Небесной лестнице взялось столько маленьких кроликов?

— Понятия не имею. Давайте просто перебьём их — они всё время следуют за нами, жутко раздражает.

Эти слова произносились самым обыденным тоном из заячьих пастей.

Но ведь убивали-то вовсе не кроликов — убивали людей, живых людей! Даже пронзённые мечами и падающие, они ещё зывали о помощи, изрыгая алую кровь, что окрашивала белые костяные ступени.

Вспомнив кровавую сцену, Се Шоумэй невольно содрогнулась.

До сих пор она не могла понять, почему люди превращаются в кроликов и почему в глазах этих кроличьих чудовищ именно нормальные люди выглядят как кролики.

Се Шоумэй уже не различала, кто здесь настоящие монстры. Она знала лишь одно: нельзя выказывать ни малейшего признака того, что что-то не так, иначе она станет следующим убитым "кроликом".

Но было уже поздно — её содрогание оказалось слишком заметным. Кроличьеголовый рядом медленно повернул к ней морду.

Вокруг неё зажглись бесчисленные пары кроваво-красных звериных глаз.

Она не хотела умирать, не хотела, не хотела.

Дрожа, девушка подняла голову и, увидев, что вокруг остались одни кроличьеголовые — ни единого человека, — почти впала в отчаяние.

Именно тогда она заметила затылок, принадлежавший человеку, а не зверю.

Тот шёл чуть впереди, и Се Шоумэй видела лишь его изящную красивую фигуру и копну белых волос.

Времени на раздумья не было. Прежде чем жуткие кролики набросились на неё, она сорвалась с места и, почти обезумев от страха, со слезами ухватилась за рукав того человека, бессвязно лепеча:

— Старшая сестра, здесь повсюду чудовища... монстры! Давайте бежать вместе, умоляю вас, я не хочу умирать, спасите меня...

В ответ она услышала изумлённый юношеский голос:

— А?

Юнь Чжи не ожидал, что переродится как раз перед поступлением в секту.

В прошлой жизни, непонятно каким образом ставший человеком, он пришёл во Врата Великой Пустоты в пятилетнем возрасте и был принят в ученики самим первым среди совершенствующихся — Бессмертным Владыкой Цзичуань Цзян Юйхуаем.

Небожитель и простой смертный ученик — классическая парочка главных героев популярных повестей.

Как и в бесчисленных хуабэнях, он постепенно влюбился в своего учителя.

Начало истории было банальным, финал тоже оказался банальным: учитель его не полюбил. Тогда он заточил учителя на целый месяц, но тот по-прежнему его не полюбил. А потом пришедшие собратья-ученики убили его как чудовище. Прожил он восемнадцать лет.

И вот теперь переродился в восемнадцатилетнем облике как раз перед первой встречей с учителем.

Впрочем, изначально он и был монстром, просто прожившим непонятно сколько времени в полусонном состоянии. Человеком побывал впервые.

Теперь — во второй раз.

Юнь Чжи потрогал свои маленькие щупальца, которые до сих пор пребывали в унынии от того, что учитель его не любил, и печально вздохнул.

Наверняка учитель не полюбил его именно из-за нелюбви к щупальцам — иначе почему же в тот месяц заточения он всякий раз выглядел готовым заплакать, стоило Юнь Чжи принять истинный облик?

Обычно люди во время близости плачут куда реже — они целуются и обнимаются, а учитель лишь кусал губы, и глаза у него всегда были влажными, но поцеловать Юнь Чжи он ни разу не поцеловал.

Как же ему было грустно. Только что пережив разлуку и смерть, он вернулся к моменту перед первой встречей с учителем — что за судьба у него такая.

Глядя на знакомые костяные ступени и море облаков, Юнь Чжи проникся грустью при виде этих мест, напоминавших о его безответной любви.

Как раз когда он скорбел о своих трагических чувствах, кто-то резко дёрнул его за рукав.

Затем последовали всхлипывающие слова: "Старшая сестра, спасите меня".

Юнь Чжи недоумённо моргнул:

— А?

Он ведь всё ещё мужского пола, так?

Юнь Чжи на секунду задумался, убедился, что пол у него не изменился, повернулся и выдернул рукав из чужих рук, недовольно нахмурившись:

— Ты прервала мой внутренний монолог.

Плач резко оборвался. Девушка со слезами в глазах ошеломлённо уставилась на него — то ли от шока "красивая старшая сестра оказалась мальчиком", то ли от потрясения "красивый старший брат так испугался, что говорит чепуху".

— Здесь... здесь есть чудовища, — робко проговорила она.

— Знаю, — странно отозвался Юнь Чжи.

Он и есть самое большое чудовище — с какой стати другие монстры должны к нему приближаться?

Девушка вновь умолкла. Только теперь она наконец поняла, что что-то не так.

Кроличьеголовые, которые, казалось, в следующую секунду набросятся и разорвут её на части, почему-то не последовали за ней. Они лишь пристально смотрели красными глазами на неё и беловолосого юношу, молча сохраняя безопасную дистанцию, словно чего-то боялись.

Существо, которого страшатся даже монстры... что же это может быть?

Девушка не решалась углубляться в размышления. Окровавленные ступени под ногами тоже не располагали к раздумьям. Она могла лишь, словно ухватившись за последнюю соломинку, следовать за Юнь Чжи шаг за шагом, поднимаясь вверх.

Человек он или призрак — неважно. Сейчас она не хотела умирать. Она хотела стать бессмертной и вернуться домой к отцу и матери. Она должна была выжить.

Юнь Чжи лишь недоумевал.

Странная эта человеческая особь — мало того что прервала его размышления, так ещё и говорит наполовину. Впрочем, его и без того интересовали только Цзян Юйхуай и больше никто. Если она не мешает — пусть следует, ему всё равно.

Юнь Чжи повернулся обратно и, продолжая подниматься по Небесной лестнице, устремил взгляд на бескрайнее море облаков, возвращаясь к прерванным переживаниям.

Учитель его не любил... Меч, пронзивший сердце, причинил боль, но холодный взгляд учителя заставлял грудь сжиматься ещё сильнее.

Хотя ему и не больно, хотя он завязал учителю глаза и не видел его выражения — в любом случае, его предали и он пережил разлуку. Теперь следовало, по человеческой логике, начать грустить.

Так во всех хуабэнях и пишут.

Юнь Чжи потупился, серьёзно размышляя, не стоит ли ему для соответствия моменту пустить несколько слезинок.

Вскоре он отверг эту мысль.

Учителя здесь нет — какой толк в слезах? Лучше поплакать потом, когда увидит учителя.

В прошлой жизни он пытался спасти этих странных людей от самоубийства и перепачкался, не произведя на учителя хорошего впечатления. В этой жизни он сразу по возвращении погрузился в печальные раздумья и вовсе не обращал внимания на окружающих — как раз можно будет встретить учителя чистым и красивым.

— В самом начале учитель, должно быть, меня любил... Наверняка потом я что-то сделал не так, — тихо пробормотал Юнь Чжи.

— Я могу стать более похожим на человека. На этот раз учитель меня полюбит.

— Простите... — робко прозвучал женский голос.

Терпение Юнь Чжи, и без того небольшое, после троекратного прерывания размышлений иссякло. Он раздражённо поднял голову на странную девицу.

Подняв взгляд, Юнь Чжи обнаружил, что вокруг него собралось уже пять-шесть человек. Все они были в панике и смотрели на него напряжённо и странно — так смотрят на непостижимое чудовище.

Хм? В этой жизни он явно не совершал лишних поступков — с чего бы им так на него пялиться?

Юнь Чжи растерялся и инстинктивно покосился на свои щупальца.

Да, щупальца по-прежнему скрыты, он всё ещё выглядит как человек.

Воспользовавшись мгновением замешательства Юнь Чжи, девушка набралась храбрости и спросила:

— Ты тоже видишь их? То есть... этих кроликов?

Вокруг стояли такие же, как она, люди с человеческой внешностью. Выжившие люди сами собрались возле Юнь Чжи. И присутствие окружающих, и виднеющийся вдали конец лестницы придали девушке смелости заговорить.

— Кроликов? — странным тоном переспросил Юнь Чжи.

Выражение беловолосого юноши оставалось спокойным. От природы он обладал красивой и отстранённой внешностью, и этот переспрос, возможно звучавший язвительно, в сочетании с его холодными серо-чёрными глазами привёл и без того напуганных людей в ещё большую панику.

Опять это выражение страха.

Юнь Чжи подумал, что сейчас следовало бы по-человечески выразить своё одиночество непонятого существа, но до Врат Великой Пустоты оставалось недалеко, и времени у него не было.

Он лаконично ответил:

— Вижу. Некрасивые.

Девушка обрадовалась и уже собиралась продолжить расспросы, когда увидела, как холодный юноша слегка улыбнулся.

— А ты разве нет? — сказал он.

Девушка в ужасе расширила глаза. Наконец в серых глазах Юнь Чжи она разглядела своё отражение — огромную белую и безобразную кроличью голову.

— А-а-а-а!

Истерический крик. Юнь Чжи недоумённо посмотрел на неё.

Он же улыбнулся в знак дружелюбия — чего она так испугалась? Неужели из-за того, что он назвал кроличьи головы некрасивыми?

Но это же объективный факт — увеличенные в бесчисленное количество раз кроличьи головы, где даже волосяные фолликулы усов видны, действительно некрасивы. Совсем не то что его щупальца.

Он попытался исправить ситуацию:

— У людей у всех своя некрасивость, не расстраивайся.

В ответ ему достался ещё более пронзительный отчаянный вопль.

Юнь Чжи увидел, как девушка начала в безумии рвать на себе волосы и биться головой о ступени. После нескольких ударов лицо её залилось кровью.

Но даже так она продолжала смеяться, выхватила меч, который мать дала ей в дорогу, и сипло прокричала сорванным голосом:

— Здесь кролик! Убейте его!

— Пух...

Меч вошёл в грудь. От резкой боли она кашлянула кровью и с мечом в груди покатилась вниз по ступеням.

В последние мгновения жизни во взгляде девушки промелькнула ясность.

— Спа... спасите... я не...

Кровь растеклась по ступеням, и вот уже десяток ступеней окрасился в кроваво-красный цвет. Окружающие побледнели, некоторые, прислонившись к стене, начали давиться от тошноты.

— Ещё одна сошла с ума... что, чёрт возьми, происходит?

— Почему всю дорогу люди убивают себя? Я хочу домой, не хочу становиться бессмертным, хочу домой...

— Где кролики? Что это вообще за штука? Где они?!

В то же время Юнь Чжи слышал дрожащие голоса тех, кто изначально пришёл вместе с девушкой:

— Они опять начали охотиться на кроликов. И на беловолосого нельзя положиться. Что делать?

— Не хочу умирать, не хочу умирать, не хочу умирать. Я человек, я не кролик, не хочу умирать.

Вот видите — совершенно бесполезно. Каждая сторона стоит на своём, люди слишком неразумны.

Юнь Чжи устал от всего этого. Плюнув на них, он просто продолжил подъём, сосредоточившись на дороге, и вскоре прошёл оставшиеся ступени.

В конце лестницы облака рассеялись, и он вместе с другими прибывшими оказался под огромными каменными воротами с надписью "Врата Великой Пустоты".

За воротами тринадцать старейшин восседали на возвышении, ученики стояли внизу, а позади них высилась гигантская статуя белого нефритового Будды, на фоне которой все выглядели ничтожно малыми.

Первые прибывшие уже преклонили колени перед статуей Будды — то есть перед старейшинами у входа во Врата Великой Пустоты. Никто не осмеливался поднять голову и взглянуть на статую.

— Быстрее на колени!

Старческий голос прогремел, словно колокол. Только тогда все очнулись и поспешно, подражая предшественникам, нашли свободные места и пали ниц.

Даже если всё происходящее казалось жутким, никто не решался усомниться. Ещё на Небесной лестнице все до смерти перепугались, и теперь легендарный мир совершенствования вызывал у них лишь страх — как бы не сойти с ума и не покончить с собой, подобно тем людям на ступенях.

Юнь Чжи не шевельнулся.

Эта сцена была до боли знакома. Переживая её заново с разбитым сердцем, Юнь Чжи решил, что по логике нормального человека ему следует немного предаться воспоминаниям.

Он вспомнил первый вопрос, который задал ему учитель, когда спустился на журавле.

Тогда он стоял на коленях перед статуей Будды, и учитель спросил:

— Каким ты видишь этот мир?

Каким же?

Среди коленопреклонённой толпы Юнь Чжи стоял, полностью игнорируя позеленевшие от злости лица старейшин, и поднял голову к белой нефритовой статуе.

Статуя сидела лицом к северу, и всё её тело было усеяно бесчисленными глазными яблоками, которые гневно взирали на него, дерзкого нечестивца. А там, где должно было быть лицо с глазами, зияла пустота.

Небо было красно-чёрным, на чёрных глазных яблоках статуи вились кроваво-красные прожилки того же цвета, что и небо. Тринадцати добродушных старейшин не было вовсе — лишь гигантский крылатый червь корчился на месте старейшин, непрерывно разевая ротовой аппарат, а его червячье тело служило шеей и головой, таща за собой высохшее и сморщенное человеческое туловище.

Мягкий пол с ощущением, словно ступаешь в месиво из плоти.

Ничего удивительного — этот мир всегда был таким.

— Ш-ш-ш...

Звук хлопающих крыльев.

Юнь Чжи поднял голову и увидел приближающегося на журавле человека.

Та же сцена, что и в его воспоминаниях, но куда раньше того времени, которое он помнил.

У белого журавля кончики крыльев были тронуты чернотой, шея изящно изогнута. Бессмертный на журавле — в развевающихся белых одеждах, с высокими бровями и прекрасными глазами, удивительно красив. Чёрные как воронье перо волосы развевались на ветру — сама стать небожителя.

Бессмертный Владыка Цзичуань, Цзян Юйхуай.

Юнь Чжи вспомнил свой тогдашний ответ.

Он сказал:

— Бессмертный Владыка, только Вы белого цвета.

Только учитель был красивым. Он хотел быть с учителем, потому так долго и прятал щупальца,

неумело изучая человеческое поведение, притворяясь, что принадлежит к тому же виду, что и учитель.

Весь мир погряз во мраке, и лишь Цзян Юйхуай был единственным светом.

<http://bllate.org/book/13450/1197535>